

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.037

УДК 811.161.1'373.4:930.85 +

+ 930.85:351.853 +

+ 811.161.1'373.211.1 + 398

М. В. Ахметова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ МОНУМЕНТОНИМЫ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОНОМАСТИЧЕСКОГО СТАТУСА*

Рассматриваются неофициальные названия памятников и городской скульптуры (неофициальные монументонимы). Анализируются контексты использования таких названий в полевых интервью, популярных медиа, сетевых дискуссиях, краеведческих и экскурсионных текстах, а также их фиксация в словарях. Особенное внимание уделяется аспекту вариативности неофициальных монументонимов; предлагается сопоставительная модель описания их «морфологии», позволяющая говорить об инвариантности не столько вербальной формулы, сколько пародируемого сюжета памятника. Метафоричность рассмотренных названий позволяет сопоставить принцип их конструирования с принципом загадки. Показано, что неофициальные монументонимы существуют одновременно на пограничье между топонимией и идеонимией и между сферами ономастики и городского фольклора. Зачастую их отнесение к той или иной сфере представляет собой проблему, а контекст находящихся в распоряжении исследователя письменного источника или сообщения информанта далеко не всегда позволяет произвести однозначную дефиницию. Формулы, позиционирующиеся как неофициальные монументонимы, фактически входят в состав оценочных высказываний и комментариев по поводу памятников (их сюжета, положения в пространстве и т. д.), в состав анекдотических нарративов (зачастую сводящихся к информации о том, что памятник называется тем или иным образом), становятся

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

объектом индивидуальной либо узкогрупповой номинации и, наконец, используются в качестве неофициального собственного имени в полном смысле слова. При этом «канонизации» таких названий (часто бытующих непродолжительное время или в ограниченной социальной среде) способствуют их включение в краеведческий дискурс, их популяризация в СМИ и т. д.

К л ю ч е в ы е с л о в а: монументонимы; названия памятников; номинация; собственное имя; вариативность; урбанонимы; артионимы; городской фольклор

Неофициальные монументонимы (названия памятников¹; термин предложен в [Разумов, 2015, 17]; далее — НМ) представляют собой важный элемент вернакулярного городского ономастикона. Они фиксируются в словарях региональной субстандартной лексики и находят отражение в многочисленных работах, по преимуществу посвященных локальной / региональной урбанонимии или городскому фольклору, хотя систематического лингвистического описания этот материал, кажется, пока не получил². Речь в статье пойдет об активно бытующих на постсоветском пространстве п а р о д и й н ы х номинациях, важнейшая функция которых — карнавализация городского пространства [Рут, 2015, 202]³. Не претендуя на создание исчерпывающей лингвистической типологии названий памятников (это важная, но отдельная исследовательская задача), перечислю наиболее распространенные модели, в соответствии с которыми образуются подобные онимы⁴:

1) отдельные существительные: *Стамеска* ‘Монумент героическим защитникам Ленинграда (Санкт-Петербург)’;

2) адъективные конструкции: *Железный дровосек* ‘памятник Ю. А. Гагарину (Москва)’; *Клёпаная мать* ‘монумент «Родина-мать» (Киев)’;

3) предложно-падежные конструкции: *Баба на игле* ‘Монумент Победы на Поклонной горе (Москва)’; *Мужик с тортом* ‘памятник Ярославу Мудрому (Ярославль)’;

¹ Здесь и далее под словом *памятник* в соответствии с современным узусом понимаются как собственно монументы, так и городская скульптура, которая также становится объектом неофициальной номинации. О таком словоупотреблении и его возможных причинах см. [Брагина, 2014; Мороз, 2018].

² Попытка классификации НМ с точки зрения их мотивации представлена в [Голикова, 2014].

³ Вне сферы моего внимания остаются онимы, основанные на языковых трансформациях имени изображенного лица (*Володя каменный* ‘памятник В. И. Ленину, Дубна; Смоленск; Уфа и др.’, *Пампуш* < *памятник Пушкину* (Москва) и др.).

⁴ Источниками рассматриваемых в статье номинаций послужили полевые записи, сделанные в рамках проекта «Народная история России» (см. сноску 10) и личные полевые материалы автора; материалы из интернета (прежде всего статья [Прозвища...]) и цитируемые в статье публикации по ономастике и городскому фольклору.

При цитировании сохраняются орфография и пунктуация источников. Разрядка дана автором.

4) падежные конструкции: *Смерть парашютиста* ‘скульптура «Тюбингенское панно» (Петрозаводск)’;

5) описательные конструкции, включающие родовое слово *памятник*: *Памятник обманутому мужу* ‘памятник М. В. Исаковскому (Смоленск)’; иногда такие конструкции «вбирают» в себя названия, образуемые по моделям 1–4, ср. *памятник Железному дровосеку* (см. модель 2);

6) причастные конструкции: *Оксана, бегущая с «Лавсана»* ‘статуя «Крылатая» — элемент мемориального комплекса «Борцам за советскую власть» (Могилев)’;

7) предложения:

а) повествовательные: *Чемоданы спёрли* ‘памятник Ю. А. Гагарину (Москва)’;

б) побудительные: *Вставай, скоро одиннадцать* ‘памятник борцам революции 1905 г. (Иваново)’;

в) вопросительные: *Третьим будешь?* ‘памятник А. Т. Твардовскому и Василию Тёркину (Смоленск)’.

Многоплановость памятников как объектов обуславливает неоднозначность в плане определения их названий с ономастической точки зрения. Р. В. Разумов, предложивший термин *монументоним*, относит к этому классу названия памятников, монументов и мемориальных комплексов, включая их в разряд урбанонимов [Разумов, 2015, 17]. Наряду с этим ономатологи, включая названия памятников в рамки классификаций, зачастую руководствуются идеей о функциональных характеристиках именуемых объектов. Так, И. М. Ганжина [2016, 301] предлагает объединять названия памятников с названиями церквей и домов культуры как культурно-исторических объектов. Е. С. Отин, вводя термин *сленгоним*, или *жаргонный оним*, для обозначения субстандартных собственных имен, которые «воспринимаются на фоне соответствующих им “базовых” официальных названий как эспрессивно-оценочные или словесно-игровые их эквиваленты с пониженным социально-речевым статусом» [Отин, 2009, 59], в ряду *топосленгонимов* выделяет тип *артиосленгонимов*, включающий названия памятников.

Такое разнообразие связано с сущностной многоаспектностью памятников. С одной стороны, название, обозначающее топографический объект, привязанный к конкретной точке пространства, действительно логично относить к урбанонимам [см.: Разумов, 2015, 16] — особенно с учетом того, что зачастую НМ устанавливает связи между памятником и иными городскими объектами [Радченко, 2019, 246 и след.]. Впрочем, необходимо сделать допущение, что памятник может находиться не только в городе, но и в сельской местности и даже вне территории населенного пункта (например, у трассы или в лесу, как в случае с некоторыми мемориалами памяти героев и/или жертв Великой Отечественной войны или с арт-объектами), что, строго говоря, выводит их названия из состава исключительно урбанонимов. С другой стороны, памятник — это не только пространственный объект, но и художественное произведение; таким образом, предложенный Е. С. Отиным

термин с компонентом *арт-*, несмотря на громоздкость, позволяет уловить важный аспект. НМ, во-первых, обыгрывают внешний вид объекта и его положение в пространстве, а во-вторых, переосмысливают собственно художественный элемент — сюжет памятника, отсутствующий у многих прочих городских объектов. Поэтому рассматриваемые номинации находятся в пограничной зоне между топонимией и идеонимией, для которой вернакулярная номинация свойственна в значительно меньшей степени⁵. Это не единственный пример маргинального статуса ономастической группы: так, в статье [Разумов, Горяев, 2018] рассмотрен случай пограничного положения названий пространственных объектов (жилых комплексов), совмещающих черты урбанонимов и рекламных онимов⁶.

Именно в идеонимии в первую очередь распространены названия-предложения и развернутые причастные конструкции, которые мы зачастую встречаем в случае с НМ⁷. При этом последние обнаруживают связь с названиями произведений отнюдь не только изобразительного искусства. Например, название Мемориала Славы в г. Королеве Московской области *Трое вышли из леса* связано трансонимными отношениями с названием советского фильма 1958 г. А редкая модель с местоименно-наречным как (*Как жиды Россию губят* 'многофигурная композиция у памятника А. С. Пушкину (Пермь)' [Подюков, 2003, 466]; *Как русский казаха обманул* (обсценный вариант: *нае**л*) 'монумент «Шахтерская слава», Караганда') свойственна в первую очередь библионимам — ср. рассказ Л. Н. Толстого «*Как ходят деревья*» или стандартную тему школьного сочинения «*Как я провел лето*». В отношении последней модели примечателен комментарий в группе «Достойные фильмы» (социальная сеть «ВКонтакте») к фотографии скульптуры в г. Молодечно, изображающей женщину с чемоданом: «Памятник

⁵ Если говорить об изобразительном искусстве, ср., например, общеизвестные нейтральные (фактически альтернативные) артионимы, описывающие сюжет произведения («*Иван Грозный убивает своего сына*» 'картина И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»', «*Три медведя*» 'картина И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу»'), а также пародийную номинацию «*Два вождя после дождя*» 'картина А. М. Герасимова «И. В. Сталин и К. В. Ворошилов в Кремле»'.

⁶ Широкая известность НМ способствует распространению характерных для них моделей на другие объекты, в частности природные. Так, в Петровском парке в Кронштадте есть дерево с двумя разветвленными стволами и дуплом между ними, напоминающее обнаженное тело человека, который будто бы ушел в землю по пояс вниз головой. В начале ХХI в. на протяжении нескольких лет дерево украшала выполненная некими акционистами табличка с надписью «Неизвестной парашютистке от Афанасьевича и К» (формулировка, впрочем, характерная как для монументальной скульптуры, так и для надгробий). В настоящее время табличка отсутствует, но дерево могут показывать гостям города, сопровождая его комментарием, согласно которому объект называется *Смерть парашютиста*. Благодарю за информацию А. А. Литягина.

⁷ А. В. Суперанская, говоря, что «названия-фразы», использующиеся, в частности, в артионимии (ср. скульптуру «*Перекуем мечи на орала*»), «почти невозможны в топонимии и антропонимии» [Суперанская, 1973, 201–202], едва ли имела в виду сферу неофициальной номинации: так, прозвища-предложения, обычно восходящие к реальным репликам именуемых лиц, хорошо известны как в сленге, так и в народных говорах [см.: Данилина, 1979, 288].

называется “Как я выгнал бывшую”» [Гринёв, 2019]. Место жительства комментатора неизвестно, состав группы географически разнороден, и есть основания полагать, что речь идет не о собственно названии скульптуры (функционирование этого высказывания в качестве НМ путем поиска в интернете не подтверждается), а о ее спонтанной описательной характеристике (см. далее); последнее, впрочем, хорошо показывает механизмы конструирования подобных онимов.

Кроме того, НМ могут оформляться в речи схожим с идеонимами способом — через конструкцию «родовое слово + собственное имя (неизм.)» (ср.: «У Васнецова на картине “Царевна на сером волке” изображен еловый лес» <В. А. Солоухин. Третья охота, 1967> [НКРЯ]):

Вчера в районе 13:30 напротив памятника «Без пяти семь» (2011) [ALFat, 2011];

*Хорьки крышуют*⁸ — скульптурная композиция «Сибирские просторы», похожая на хорьков [пример из речи информанта]: *Смешная композиция Хорьки крышуют* [Лукьянова, 2018, 43].

Впрочем, если в случае с идеонимами мы имеем дело с искусственной (институализированной) номинацией, то в случае с НМ — с номинацией естественной (стихийной). Следствие этого — особенности функционирования онимов, обусловленные целеустановками номинатора и социальным контекстом [см.: Голомидова, 1998, 42–45]. В частности, неофициальным названиям памятников свойственна бо́льшая, чем названиям художественных произведений, вариативность. Кроме того, какими бы пространными ни были НМ, они в силу своего эмоционально-оценочного, игрового заряда [см.: Отин, 2009, 60] редко тяготеют к сокращению: смысл названия во многом состоит в том, что оно воспроизводится во всей полноте для произведения комического эффекта⁹, в то время как, например, официальные эргонимные «названия-реплики», использование которых в речи затруднено, в речевом обиходе могут сворачиваться до универбов [Вепрева, 2019, 175].

Далее я обращусь к особенностям функционирования НМ, пародирующих мнимый сюжет или положение памятника в пространстве либо представляющих собой реплики изображаемого персонажа, и обозначу проблемы, связанные с их описанием и исследованием. Основное внимание я буду уделять названиям, представляющим собой предложения или причастные конструкции, хотя, вероятно, сказанное может касаться вообще любых НМ.

⁸ Скульптура варьирует изображение соболей на гербах Новосибирска и Новосибирской области, в сфере неформальной коммуникации описываемых при помощи формулы *Хорьки* (вариант: *два хорька*) *крышуют город* (вариант: *область*).

⁹ «Краткие» НМ при наличии синонимичных «пространных» (наподобие *Холодильник при Пятеро тащат холодильник из ломбарда*), как будет показано далее, скорее представляют собой не сокращения, а существующие автономно варианты.

* * *

Источником знания исследователей о НМ чаще всего становится либо полевое интервью, когда информанта просят воспроизвести названия тех или иных объектов¹⁰, либо коллективные обсуждения в интернете, когда собеседники заняты целенаправленным воспоминанием таких названий. Обращает на себя внимание, что в словарях региональной субстандартной лексики, включающих урбанонимы, многие развернутые номинации, в том числе названия-предложения, часто даются без речевых контекстов. Например, в псковском словаре таковы *Вова, прячущий зарплату от Надежды Крупской* ‘памятник В. И. Ленину’ и *Филипп отваливает от Аллы* ‘памятник А. С. Пушкину’ [Никитина, Рогалева, 2006, 55, 287], в йошкар-олинском — *Еще четыре, но больше не надо* ‘памятник композитору И. С. Ключникову-Палантаю’ [Липатов, Журавлев, 2009, 175]. При этом подобные словари вообще предполагают иллюстративные цитаты из речи информантов, ср.: «У нас из окон вид на Бабу с караваем» (о статуе на въезде в Йошкар-Олу) [Там же, 166]; «Тормозни у Парашюта...» (о памятнике героям-десантникам в пос. Череха) [Никитина, Рогалева, 2006, 198].

По-видимому, дело в том, что спонтанное употребление в речи подобных развернутых названий фиксировать довольно сложно, а приводить высказывания, в которых информант просто сообщает о том, что памятник называется определенным образом, лексикографы считают избыточным.

Действительно, употребление в речи названий-предложений ограничено. Они редко используются в качестве урбанонимов-ориентиров [см.: Разумов, 2019] — очевидно, в силу сложности включения в речь соответствующих синтаксических конструкций. Свидетельства, что такое употребление вообще возможно, единичны и касаются, скорее всего, лишь относительно кратких онимов:

По телефону договаривалась о встрече у памятника Гагарина [sic!], и мой приятель переспросил: «Это у “Ботиночки спёрли”?»¹¹;

...у «без пяти семь» сплошное голое место [Гость, 2012].

В этом контексте интересно, что НМ или клишированный комментарий к сюжету памятника могут входить в состав городских микрохоронимов. Например НМ *Двое третьего ждут* ‘памятник «Борцам за советскую власть» (Донецк)’ используется как автономно, так и в рамках описания площади, на которой

¹⁰ Ср. обсуждение шуток о московских памятниках: «[Соб.: Никаких названий не было?] Не было. Ну, я не знаю... А, “Ещё кружку пива”. <...> Памятник Марксу» (Москва, инф. БВИ, 1950 г. р.). Здесь и далее при цитировании полевых материалов, если не оговорено иное, приводятся записи, сделанные в 2019–2020 гг. в рамках проекта «Народная история России» (pastandnow.ru) Д. Ю. Дороным, Э. Г. Матвеевой, Н. В. Петровым, Н. С. Петровой, Н. Н. Рычковой, О. Б. Христофоровой и автором статьи.

¹¹ Переписка с фольклористом Е. В. Миненок (2020).

находится памятник, ср.: «Не “Памятник борцам за советскую власть” а площадь где двое третьего ждут» [Василий, 2015] (здесь возможен эллипсис: «площадь, где [находится памятник, называемый] *Двое третьего ждут*»). Таким образом, формулы, характеризующие памятники, выходят за пределы монументонимии и встраиваются в более широкий микроурбанонимический контекст. Ср. также формулу *Где Пушкин с нянечкой тусуется* в псковском словаре (с примерами: «Бабульки лихо отплясывают, где Пушкин с нянечкой тусуются»; «Где выходим? — Где Пушкин с нянечкой тусуются») [Никитина, Рогалева, 2006, 229], притом что в качестве НМ **Пушкин с нянечкой тусуется* не отмечено¹².

Однако такие номинации чаще всего не выходят за пределы высказываний, прагматика которых сводится к сообщению о том, что объект называется определенным образом. По-видимому, типовую ситуацию спонтанного воспроизведения онима иллюстрирует следующее воспоминание моего корреспондента о комментировании московского памятника Ю. А. Гагарину:

...ещё вариант слышала: «А где ж ботиночки-то?» <...> Точно знаю, что слышала про «А где ж ботиночки» в 1980 году <...> Мы как-то поехали с одноклассниками. Одна моя одноклассница сказала: «Слышали, как назвали памятник?» Она ровно встала, чуть наклонила голову вперёд, отвела руки назад (имитируя «позу» памятника) и с удивлением спросила: «А где ж ботинчики [sic!]». Мы все засмеялись и только тут заметили, что фигура как бы вырастает из постамента, у нее действительно не предполагается наличие ботинок¹³.

В схожем контексте автор этих строк в середине 1990-х гг., проходя мимо памятника Н. Г. Чернышевскому в Москве, услышал от своего знакомого (что примечательно, не москвича), что памятник называют *У мужика где-то часы сп**дили* (обценный глагол со значением ‘украли’; изображенное лицо будто бы внимательно смотрит на запястье, где могли бы быть наручные часы). Этот и предыдущий пример показывают, что НМ существуют прежде всего в рамках анекдотических *нарративов о названиях*, могущих включать, как мы видели выше в примере с памятником Гагарину, перформативную составляющую (воспроизведение позы персонажа). В этом смысле НМ находятся на стыке

¹² Нельзя не отметить сложности с определением значения этой формулы. В словаре для нее приводятся значения, соответствующие приведенным выше примерам: ‘о памятнике А. С. Пушкину с няней на Октябрьском проспекте в Пскове’ и ‘об автобусной остановке «Летний сад», рядом с которой находится памятник А. С. Пушкину с няней’; в более поздней публикации, где элементы неофициального городского ономастикона рассматриваются в контексте фразеологии, речь идет об обозначении «ряда продовольственных киосков на Октябрьском проспекте у памятника А. С. Пушкину с няней» [Никитина, 2017, 136]. Строго говоря, ни одно из этих определений не представляется релевантным: речь идет об «описательном» городском микрохорониме, поскольку памятник служит пространственным ориентиром, при этом формула, описывающая его сюжет, сама по себе собственным именем не является.

¹³ Переписка с Е. В. Миненко (см. сноску 11).

ономастики и городского фольклора, а нарративы, сообщающие о них, стоят в одном ряду с текстами о мнимом диалоге персонажей памятников, с устойчивыми суждениями, пародирующими сюжет памятника, и с комментариями к его положению в городском пространстве (куда указывает рукой персонаж, в какую сторону он обращен), а также к ракурсу, в котором памятник выглядит смешно или непристойно [Лурье, 2003; Подюков, 2003, 464–466; Радченко, 2019, 246–247].

Более того, некоторые НМ могут восходить непосредственно к анекдотическим нарративам. Например, с монументом Славы в Самаре (изображен рабочий, держащий на поднятых вверх руках самолетные крылья) связано суждение, согласно которому данный персонаж не пьет, потому что у него руки заняты. Известная анекдотическая модель¹⁴ инспирирует возникновение НМ *Мужик непьющий*, отсылающего к соответствующему сюжету¹⁵.

Нарратив о НМ может более или менее отчетливо предполагать интеллектуальное усилие собеседника, когда последний соотносит вербальную формулу с визуальным образом — наблюдаемым (если о названии памятника сообщается, когда тот попадает в поле зрения), восстанавливаемым в памяти (если памятник в данный момент не наблюдается) или с образом, который передается через позу и жестикуляцию рассказчика. В определенном смысле здесь действует принцип загадки. Так, НМ может появляться в составе шутки, где его воспроизведение провоцирует вопрос слушателя, на который уже заготовлен остроумный ответ. Например, в сетевом обсуждении «Какие прозвища дают памятникам в России» приводится следующее именование памятника «Комсомольцам Орловщины, героически погибшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в 1941–1945» (изображены две фигуры):

Это «Три студента опаздывают на лекцию». Прямо по курсу Орловский педагогический университет. Тут же следует вопрос — а где же третий? — А третий на «Щепной» остался. Щепная площадь позади памятника, одно из немногих мест, где в советское время можно было купить разливное пиво [organica, 2016].

Контекст воспроизведения названия и последующего объяснения реконструируется как инициируемый вопросом: «Знаешь, как называется этот памятник?» Здесь можно усмотреть сходство с диалогическими анекдотами-загадками «со странными вопросами и еще более абсурдными ответами, вызывающими,

¹⁴ Ср.: «Не пьет только сова, потому что днем она спит, а ночью магазины не работают <...> телеграфный столб, и то потому, что у него чашечки вниз» [Елистратов, 2000, 281]. Известны и подобные нарративы о памятниках: например, в московских околоцерковных кругах в связи с памятником первопечатнику Ивану Федорову (носившему сан диакона), говорили, что «в Москве [только] один поп не пьет. А почему? Потому что книжку в руках держит» (Москва, инф. АМВ, 1978 г. р.).

¹⁵ Благодарю Т. П. Романову за сообщение об этом самарском сюжете и названии памятника.

в свою очередь, недоуменные вопросы слушателей», наподобие «Что такое: зеленое, длинное висит в гостинной и пищит?» [Шмелева, Шмелев, 2002, 99–100]. Однако если в подобных загадках (часто называемых *армянскими*) реальность, к которой отсылает ответ, заведомо абсурдна (селетка зеленая, потому что ее покрасили как захотели; висит, потому что ее повесили куда захотели, а писк рационального объяснения не находит либо толкуется произвольно), то в шутке по поводу орловского памятника ответ оказывается логичным, если знать локальный контекст: перед памятником находится университет, а за памятником — место распития алкоголя. По всей вероятности, та же логика заложена в другом шуточном урбанониме *Мост восемнадцати яиц* ‘Аничков мост в Санкт-Петербурге’. Элементом моста являются скульптуры четырех коней и четырех юношей, число тестикул которых в сумме равняется не 18, а 16; непристойный контекст подразумевает дежурящего на мосту городского¹⁶ (суждение собирателя петербургского фольклора Н. А. Синдаловского о том, что после революции, когда «городовой, как символ ненавистного режима, исчез, <...> мост стали называть: “Мост шестнадцати яиц”» [Синдаловский, 2000, 289], следует считать не более чем реконструкцией)¹⁷.

Кроме того, я располагаю примером, когда формула, которая в других случаях представляется как НМ (название монумента «Родина-мать» в Набережных Челнах), функционирует именно как загадка:

Если тут ещё есть олдскулы из Челнов: загадка «Пять татар смотрят на бар». Откуда это? Подсказка: в 1980-х на ГЭС был всего один бар / ресторан, где кутил местный «бомонд» [ЛА Ахметова, 2020].

У меня нет свидетельств о том, что это или другие названия функционируют в качестве загадок систематически, однако потенциально это возможно, по крайней мере для некоторых НМ, представляющих собой повествовательные предложения, — учитывая как их метафоричность (в этом смысле такие названия, как *Двое третьего несут*, соотносимы с «реалистическими» «загадками-картинками», метафорически описывающими ситуацию и называющими субъекта [Левин, 1978, 294–296]), так и то, что прецеденты загадывания памятников путем их описания известны¹⁸.

¹⁶ Благодарю за этот пример Д. В. Громова.

¹⁷ Кроме того, шутке о названии орловского памятника структурно очень близок анекдот со следующим сюжетом: «Картина “Ленин в Польше” — шалаш в Разливе, из которого торчат ноги Дзержинского и Крупской. “А где же Ленин?” — “А Ленин в Польше”» [Мельниченко, 2015, № 625].

¹⁸ Так, эпиграмма о памятнике Александру III в Санкт-Петербурге: «Стоит комод, / На комод — бегемот, / На бегемоте — обормот. / На обормоте — шапка, / На шапке — крест, — / Кто угадает, того под арест!» уже в печати начала XX в. позиционировалась именно как загадка [Золотоносов и др., 2010, 293–294].

Повторюсь: подобное фольклорное использование названий памятников фиксировать трудно. В любом случае НМ становится одним из элементов знания о памятнике и воспроизводится (в том числе с объяснением) в коммуникации, ср. фрагменты из интервью:

И культовый памятник (Борцам революции 1905 г. — М. А.) на площади Революции, один мужик лежит как бы раненый, второй у него подхватывает знамя. В народе этот памятник назывался «Вставай, скоро 11», потому что в 11 часов начинали торговать спиртным (Иваново, инф. РЕ, 1950 г. р.);

Ещё есть памятник <...>. Он называется «Памятник героям фронта и тыла». Выглядит так: на большой стеле стоит солдат, простирая руку, как бы этой рукой он защищает ну, каких-то там женщин, ткачих-поварих, которые внизу на постаменте стоят. Всё красиво оборудовано там, пушка, вечный огонь горит. Но в народе этот памятник называется «Женщина, знай своё место». Солдат указывает рукой, типа: баба, знай своё место (Иваново, инф. ЕР, 1980 г. р.);

А на канале есть памятник (Мемориал Славы. — М. А.), я не знаю, как он официально называется, у нас его звали «Вот трое вышли из лесу» (или: «...звали вот “Трое вышли из лесу”»). — М. А.). Там... Он посвящен войне, там вот Родина-мать в центре и две военные фигуры (Королев, инф. ДЕГ, 1989 г. р.).

* * *

Обращает на себя внимание исключительная вариативность НМ. Речь может идти о существовании нескольких номинаций для одного памятника: так, согласно записи пользователя «Живого журнала» из Волгограда (со ссылкой на знакомых из Ростова-на-Дону), ростовский памятник Стачке 1905 г. «получил меткое название “Двое пьяных ловят машину (до Таганрога)”, или более ранний вариант “Сегодня в депо день получки”» (2009, цит. по [ГИКРЯ]).

Однако даже у одного онима далеко не всегда существует единственная, «каноническая» форма. Наибольшей стабильностью обладают, по всей вероятности, краткие названия (наподобие *Без пяти семь* ‘памятник героям Октябрьской революции и Гражданской войны (Уфа)’), названия со специфическим синтаксисом, вероятно, отсылающие к прецедентным конструкциям (*Двое третьего несут* ‘скульптура «Раненый командир» (Москва)’, *Двое третьего ждут* ‘монумент «Твоим освободителям, Донбасс» (Донецк)’, ср. пословицу *Семеро одного не ждут*) и некоторые рифмованные номинации (*Всё продай, купи курай* ‘скульптура, изображающая обнаженного мальчика с дудочкой-кураем (Уфа)’).

Однако даже при существовании рифмованной и/или метрически организованной номинации (что, казалось бы, должно способствовать ее лучшему закреплению в памяти) она не только варьирует, но и зачастую бытует параллельно с другими, сюжетно и структурно отличающимися названиями того

же памятника. Так, для монумента в Сыктывкаре, название которого — *Бабы жарят крокодила* — стало широко известным благодаря скандалу, связанному с его упоминанием в печати [Радченко, 2019], фиксировались варианты *Три аборигена жарят крокодила*, *Три бабы жарят крокодила* и, очевидно, рифмованный *Я родила крокодила* [Мальцева, 2015, 82]; для памятника комсомольцам Орловщины — неметризованные названия *Ребята со Щепного*, *Синева*¹⁹ *с Щепного* и метризованные *Вышли двое из пивбара*, *Вышли двое со Щепного* (отсылка к Щепному рынку, на котором находился бар) [Костромичева, 2007, 359; 2009, 4]; поиск в интернете выявляет также номинации *Двое со Щепного*, *Они шли со Щепного*, *Трое со Щепного* и метризованную *Одни другого несут с Щепного*.

Приведу пример с причастной конструкцией — названием могилевской скульптуры, маркирующим ее положение по отношению к зданию завода искусственного волокна (ранее комбинат «Лавсан»). Если не считать наиболее частотного *Оксана, бегущая с «Лавсана»* и сокращенного *Бегущая*, поиск в интернете, филологических исследованиях [например: Воробьева, 2018, 15] и краеведческих публикациях [например: Ножников, 2008] позволяет выявить более десяти формулировок, варьирующих практически каждый элемент конструкции: *Баба, бегущая от (с) «Лавсана»*; *Бегущая женщина с «Лавсана»*; *Бегущая от «Лавсана»*; *Девушка, бегущая с «Лавсана»*; *Жанна, бегущая с «Лавсана»*; *Женщина, бегущая с «Лавсана»*; *Женщина, бегущая с лавсаном*; *Оксана с «Лавсана»*; *Оксана с лавсаном*; *Оксана, сбежавшая (убегающая, убежавшая) с «Лавсана»* и др. Опрошенные местными журналистами горожане также использовали для описания скульптуры формулировки «Бегущая с “Лавсана”... девушка». — «А зовут ее Оксана», «Бегущая девушка», «[Памятник] женщине, бегущей с “Лавсана”» [Оксана...]. Как мы видим, здесь чаще всего варьирует обозначение персонажа (*баба, женщина, девушка, Оксана, Жанна*), а наиболее стабильными, хотя и могущими редуцироваться, оказываются действие (*бежать, убежать, сбежать*) и объект пространства, по отношению к которому позиционируется памятник («Лавсан»). Последний также может заменяться пародийно трактуемой деталью памятника (*лавсан*; имеется в виду ткань, подобно крыльям обвивающая плечи героини). Далее подвергающийся переосмыслению значимый элемент памятника я предлагаю называть **внутренним объектом**, а элемент пространства, с которым оным «выстраивает» отношения памятника, — **внешним объектом**.

Онимы в виде повествовательных предложений наименее стабильны. К примеру, названия монумента в честь провозглашения советской власти на Украине (Харьков; демонтирован в 2011 г.), с одной стороны, могут варьировать либо редуцировать обозначения персонажей (в том числе их количество) и их действий,

¹⁹ Ср. жарг. *синячить* ‘употреблять алкогольные напитки’ [см.: Никитина, 2013, 50].

а также внутреннего объекта (переосмысливаемой как *холодильник* стелы, спинами к которой стоят персонажи); с другой стороны, варьирует или редуцируется обозначение внешнего объекта (*ломбард*).

Хронологически наиболее ранняя из известных фиксаций (полевая запись 1995 г.) — формула *Пятеро тащат холодильник* [Лурье, 2003, 38]. В сетевой записи многочисленность трактовок объясняется следующим образом:

...называют его самыми разными способами: «Пятеро Воруют Холодильник», «Четверо выносят холодильник из ломбарда», «Трое из ломбарда» и «Двое с холодильником», ибо ранее возле памятника, в подвале здания нынешнего Исторического музея, находился ломбард. Разница в цифрах происходит из-за того, что одновременно фигуры можно увидеть только сверху (цит. записи 2011 г.) [Неврокович, 2016].

Поиск в интернете позволил выявить около 30 формулировок названия разной степени пространности. Наиболее стабильными элементами являются внутренний объект (*холодильник* — вплоть до того, что название сворачивается до одного этого слова) и объект внешний (*ломбард*), которые становятся своего рода центрами, вокруг которых разворачиваются номинации.

I. Центр — внутренний объект:

- 1) внутренний объект: *Холодильник*;
- 2) действие₁ + внутренний объект: *Несем холодильник*;
- 3) персонажи + внутренний объект: *Двое с холодильником*;
- 4) персонажи + действие₁ + внутренний объект: *Дядьки тащат холодильник, Мужики несут холодильник, Мужики тянут холодильник, Пятеро воруют холодильник, Пятеро несут холодильник, Пятеро тащат холодильник, Трое тащат холодильник, Четверо несут холодильник, Четверо тащат холодильник*.

II. Центр — внешний объект:

- 1) персонажи + внешний объект: *Двое из ломбарда, Трое из ломбарда, Четверо из ломбарда*;
- 2) персонажи + действие₂ + внешний объект: *Трое вышли из ломбарда*.

III. Два центра:

- 1) действие₁ + внутренний объект + внешний объект: *Тащат холодильник из ломбарда*;
- 2) персонажи + действие₁ + внутренний объект + внешний объект: *Мужики тянут холодильник из ломбарда, Пятеро из ломбарда тянут холодильник, Пятеро с ломбарда тащат холодильник, Пятеро тащат холодильник из ломбарда, Трое из ломбарда несут холодильник, Четверо выносят холодильник из ломбарда, Четверо из ломбарда несут холодильник, Четверо с ломбарда тянут холодильник, Четверо тащат холодильник из ломбарда, Четверо тянут холодильник из ломбарда*;

3) персонажи + действие₂ + внешний объект + действие₁ + внутренний объект: *Трое вышли из ломбарда и тащат холодильник.*

Подобное описание «морфологии» варьирующих НМ представляется продуктивным механизмом выявления наиболее стабильных и пластичных элементов вариантов одного названия или нескольких названий одного объекта. Наряду с этим такое разнообразие позволяет утверждать, что относительно НМ релевантно говорить об инвариантности не столько вербальной формулы, сколько сюжета.

* * *

НМ могут изменяться также в речи одного носителя, что, по-видимому, вообще характерно для вернакулярной номинации (см. о регулярной словообразовательной вариативности собственных имен в диалектной речи [Азарх, 1981, 23]). Выше приводился пример из переписки, когда корреспондент по-разному называет памятник Гагарину: *А где ж ботиночки-то?* и *А где ж ботиночки* [?] (*ботинчики* при третьем упоминании, как было пояснено корреспондентом, — опечатка). В тексте ниже описывается московский памятник Н. И. Пирогову (изображен с черепом в руке):

...памятник Пирогову, который называется «Обезьянка со своим черепом» <...> Как-то так они великого русского хирурга изобразили, что он такой субтиленький, маленький и щупленький, и вообще, и череп у него <...> ровно такой же, как и с... то, что у него на голове (т. е. череп в руках персонажа соразмерен его голове. — М. А.), <...> такой разговор Гамлета с... (Москва, инф. ДВЕ, 1968 г. р.).

Через два года после интервью в устной беседе было уточнено, что речь шла о неустойчивом использовании названия-ориентира несколько в ином виде: студенты-медики (памятник находится недалеко от 1-го Медицинского института, ныне университета) встречались у *Обезьянки с черепом* или — чаще — у *Обезьянки*. Однако едва ли какая-либо одна из упомянутых форм является прототипичной или инвариантной: НМ, подобно фольклорному тексту, каждый раз воссоздается заново, реконструируется, корректируется в контексте конкретного нарратива. (Воспроизведенная в интервью формулировка *Обезьянка со своим черепом* могла быть спровоцирована как фоновым знанием моей собеседницы — профессионального филолога, так и читательским опытом использовавших название студентов, ср. название романа Юрия Домбровского «*Обезьяна приходит за своим черепом*».)

В связи с этим, а также с нестабильностью НМ встает вопрос: всегда ли можно говорить о соответствующих формулах как о собственных именах в полном смысле? Выше приводилось название ростовского памятника *Двое пьяных ловят машину (до Таганрога)*. Приведу несколько высказываний, прозвучавших во время обсуждений названий этого объекта в интернете:

В простонародье: один пьяный валяется, другой тачку (такси) ловит [Spektrum, 2016];

[Карина Гаглюева:] Памятник двум малярам, один бухой, а другой обочину содрал и наклеить не может. Или двум друзьям. Один такси ловит, а другой бухой. <...>

[DELETED:] «Один пьяный, другой тачку ловит», наше поколение так называет этот памятник. <...>

[Игорь Павленко:] Пьяные такси тормозят [РГНРД, 2019].

Очевидно, речь идет фактически об описательных формулировках, при помощи которых характеризуется сюжет памятника. Комментарии к памятникам, к их смешным или неудачным, с точки зрения говорящего, решениям, снижающие оценочные сравнения могут быть индивидуально-окаzionaliными²⁰ или клишированными²¹. Можно предположить, что НМ как таковые (и это касается не только развернутых онимов) складываются во многом именно на основе подобных стереотипных оценок. Так, памятник Ф. М. Достоевскому, поставленный в 1997 г. у Российской государственной библиотеки в Москве, с самого начала комментировался таким образом, что персонаж сидит в позе человека, страдающего геморроем, ср.: «...народ сразу метко заметил: “У классика геморрой”» [Кублановский, 2005]. Автор этих строк хорошо помнит подобные обсуждения, в частности, едва ли не дословное высказывание москвича (конец 1990-х гг.): «Да это геморрою памятник, а не Достоевскому» — оценочное суждение, не содержащее номинации. Между тем в сетевой подборке «прозвищ памятников» формула *Памятник русскому геморрою* уже отмечается как неофициальное название объекта — наряду с онимом-предложением *На приеме у проктолога* [Прозвища...].

Наконец, могут формулироваться гипотетические названия. Например, в марте 2021 г. пользователь «Фейсбука»²² разместил фотографию мемориала (панно, на котором изображены пехотинец, танкист и летчик), сопроводив критическим комментарием: «РФ, Белгородская область, памятник, который можно назвать “Итальянский пехотинец и немецкий панцергренадер взяли в плен советского танкиста”». Пародийный оним приводится лишь в порядке допущения, однако сама возможность подобного оформления высказывания весьма показательна.

²⁰ Ср. воспоминание москвички о реакции ее матери на памятник Петру I (изображен держащим в руке свиток): «Они смеялись с подружкой над этим памятником... Вон, говорит, Пётр стоит с берцовой костью в руках» (Москва, инф. ЯКГ, 1961 г. р.).

²¹ Например, суждение о пермском памятнике: «Ленин и Горький сидят и ждут, когда наконец красивая девушка придет» [Подюков, 2003, 465–466].

²² Facebook запрещен в РФ, принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

* * *

Обе формы пародийного осмысления сюжетов памятников (как описательные комментарии, так и неофициальная номинация) могут бытовать параллельно, даже с использованием одних и тех же языковых средств. Следует ли определять ту или иную формулировку как комментарий или как собственное имя, не всегда очевидно. Например, в качестве именованного памятника В. И. Ленину в Нижнем Новгороде (композиция, кроме фигуры Ленина, включает фигуры людей с развевающимся знаменем, серпом и молотом) фиксируются предложения (*Рабочие / мужики ловят гуся; Народ гуся ловит*²³) и падежная конструкция *Ловля гуся*. Последняя отмечена в краеведческом издании [Резанова, 2019, гл. 49] именно как НМ, однако ср. нарратив, где соответствующая формула не позиционируется как собственное имя (дело не только в оформлении транскрипта интервью, в котором рассматриваемая формула пишется со строчной буквы и без кавычек, но и в том, что ни информант, ни интервьюер не акцентируют аспект номинации, так что вопрос о статусе формулы остается открытым):

[Соб.: А про Ленина на площади Ленина ничего не говорили?] Нет, это мне потом сказали, что это ловля гуся. <...> [Соб.: А как вы узнали про ловлю гуся? Кто вам сказал?] Ничего, вот сказал: «Смотри вот, это ловля гуся под руководством коммунистической партии» (Нижний Новгород, инф. АОИ, 1958 г. р.).

Граница между устойчивым описательным комментарием и собственным именем может быть трудноуловима. Сказанное еще раз подтверждает тезис об инвариантности не столько формулы, сколько переосмысленного образа или сюжета памятника (например: персонажи ловят гуся), при этом заставляет обратить внимание на возможность произвольной дефиниции той или иной формулы как относящейся или не относящейся к сфере неофициальной номинации.

Например, жительница г. Луховицы передает услышанный ею разговор по телефону (речь идет о скульптуре «Огурцу-кормильцу от благодарных луховчан»): «...я стою на противоположной стороне памятника. <...> Да знаешь ты этот памятник. Это тектоновский²⁴ пенис там стоит» (Луховицы, инф. АНД, 1941 г. р.). Формулу *тектоновский пенис* возможно реконструировать как НМ (и на портале записанных в рамках проекта «Народная история России» устных рассказов она отнесена разметчиком к категории «Неофициальные названия»), хотя из контекста не очевидно, имеем ли мы дело с устоявшимся собственным именем или с окказиональным перифрастическим именованием.

²³ Например: «“Народ гуся ловит”: говорят, что вечером или ночью скульптурная группа борцов за революцию напоминает людей, ловящих гуся, — знамя воспринимается как крылья птицы, а поднятая рука одного из рабочих — как её шея и голова» (полевые материалы 2019 г.) [ГДНН]. Благодарю Н. В. Петрова за предоставление материала.

²⁴ *Тектон* — прозвище главы Луховицкого района Московской области С. С. Тектонида, при котором был поставлен памятник.

Еще более показательны в данном смысле размещенные в субстандартном словаре названия памятника В. И. Ленину у Псковского педуниверситета: *Володя, сдающий курсовик* и *Ленин, достающий шпаргалку*, для которых в иллюстративной части соответственно приводятся цитаты: «Господа студенты, равняйтесь на Володю, пора курсовики сдавать» и «Вон Ильич как откровенно достает шпаргалку — и ничего» (записи 2005 г.) [Никитина, Рогалева, 2006, 58, 148]. Несовпадение формулировки в заголовочной части и в примере позволяют в равной мере предположить, с одной стороны, неоправданную исследовательскую реконструкцию из высказываний информантов, а с другой — свидетельство того, как трактовка памятника разворачивается из имени в описание либо получает емкую формулировку, которая имеет возможность использоваться в номинации (в последнем случае, впрочем, механизм такого разворачивания остается за рамками публикации в словаре).

Интересно и то, что сами носители традиции могут по-разному интерпретировать стереотипные высказывания о памятниках, характеризуя их не только как названия, но и как «выражения», «анекдоты», «байки» и т. д., а речевое действие по обозначению памятника определяют при помощи глаголов *называть*, *именовать*, а также, например, *шутить*. Так, формулы, описывающие памятник «Шахтерская слава» (Караганда), в одних случаях характеризуются как собственные имена (ср. ниже пример, где они подаются как «два названия»), а в других — иным образом:

На тему этой шахтёрской композиции народными острословами сложено немало **б а с к и в ы р а ж е н и й**. Это: «Опять русский казах обманул», или самая популярная: «Не подходи — убью!» [Черонова, 2016].

Ср. высказывания о памятнике Л. Н. Толстому в Туле:

Памятник Л. Н. Толстому напротив здания Туласпирт. <...> Этот памятник в простонародье **и м е н н у е т с я** [sic!], как Лев Толстой идет за водкой на Туласпирт [rinatik78, 2014];

Точно напротив памятника расположился ликёро-водочный завод. «Толстой идущий за водкой» это такой же легендарный **п р и к о л**, как Ленин присматривающий за церковью [mehanik-kb, 2007];

Напротив памятника Толстому — водочный завод. Разумеется, местные жители **ш у т я т** про памятник: Толстой пошел за водкой [biograph, 2012];

...появился и **а н е к д о т**. «Куда так спешит Лев Николаевич? — Да за водкой. Который уж год никак не дойдет — тяжело обутым ходить». А еще говорили, что с каждым повышением цен на спиртное Лев Николаевич все больше чернеет от горя, что денег на «пузырь» не хватает [Руденко, Лыженков, 2013].

Описание памятника Толстому принимает вид и эксплицитно фольклорного высказывания. Памятник был поставлен в 1973 г.; уже с 1970-х гг. в Туле была известна частушка (не вполне ясно и не столь важно, что было первично — частушка или описательное суждение, либо они существовали параллельно):

Ёлки-палки, лес густой,
Вот и каменный Толстой
Подоткнулся и идёт
Пряником на спиртзавод [ЛИА Майоров]²⁵

Однако неотчетливость определения в приведенных текстах формул типа *Лев Толстой идет за водкой на Туласпирт; Толстой, идущий за водкой; Толстой пошел за водкой* и др. свидетельствует не только о лингвистической компетенции говорящих, об уровне их экспертности как носителей языковой рефлексии, но и о том, что даже в рамках локальной традиции осмысление одних и тех же формул как собственных имен и шуточных высказываний может различаться.

Как это ни парадоксально, несмотря на то что в источниках соответствующее словоупотребление часто характеризуется как именование, носители традиции могут на самом деле не иметь в виду, что памятник имеет соответствующее имя, — учитывая полисемию глагола *называть*: не только ‘дать имя, наименование’, но и ‘определить, охарактеризовать’ [ТСРЯ, 480]. Иными словами, в высказывании, что памятник *называют / называется* определенным образом, говорящий может иметь в виду необязательно то, что памятник имеет соответствующее неофициальное *на з в а н и е*, но и то, что о нем *в о о б щ е* г о в о р я т таким образом²⁶. Этим можно объяснить, к примеру, отнесение к сфере названий типичного анекдотического текста-«диалога» в примере ниже. Речь идет о памятнике Борцам революции 1905 г. (Иваново), включающем две фигуры, одна из которых изображена полулежащей, а другая — стоящей в согнутом положении (цитируемая запись графически не оформлена как диалог, но, вероятно, в ней можно выделить реплику стоящего персонажа «Вставай...» и ответ лежащего: «Лежи...»):

А памятник борцам революции *на з ы в а л с я* «Вставай, скоро 11» (алкоголь с 11 продавали), а в горбачевские времена народ углУбил и расширил «Вставай, скоро 11. Лежи! теперь с двух дают» [aqua18, 2013].

С другой стороны, тот факт, что памятник является художественным произведением, как будто предполагает сам по себе, что он *дол жен б ы т ь на де л ен*

²⁵ Вариант (со строками «На бульваре Лев Толстой» вместо «Вот и каменный Толстой») также в середине 1970-х гг. слышала этнолингвист О. В. Белова от родственников, живших в Туле. Благодарю ее за это сообщение.

²⁶ Ср.: «Нас называют: “Тамбовский волк тебе товарищ”» (Тамбов, муж., 1932 г. р. [ЛИА Ахметова]); «нас называют», очевидно, значит ‘в связи с нами (названием нашего города и его жителей) говорят’.

и м е н е м. Это может быть дополнительным фактором, который обуславливает тяготение носителей традиции к характеристике практически любой неофициальной вербальной деятельности вокруг памятников как именотворчества. Например, при обсуждениях НМ в СМИ и сетевых обсуждениях в сферу внимания почти с неизбежностью включаются анекдоты, поговорки и шуточные стихи о памятниках. Так, в содержащую обильный материал статью «Прозвища памятников» на юмористическом сетевом ресурсе «Неолурк» авторы сочли необходимым поместить поговорку о петербургских памятниках Николаю I и Петру I: «Дурак умного догоняет, да Исаакий (Исаакиевский собор. — М. А.) мешает» и т. д. [Прозвища...].

* * *

Необходимо отметить, что НМ зачастую существуют недолгое время и могут быть известны ограниченному кругу людей. Отчасти, видимо, поэтому мне не удалось обнаружить иных подтверждений функционирования неофициальных названий многих приведенных в статье номинаций, в том числе лично мною услышанного названия памятника Чернышевскому *У мужика где-то часы сп**дили*. В популяризации соответствующих названий (именно в этой функции) велика роль краеведения (в широком смысле) и СМИ.

Информация о НМ в последние десятилетия включается в краеведческие издания (можно упомянуть, в частности, многочисленные труды собирателя петербургского фольклора Н. А. Синдаловского) и транслируется через разного рода экскурсии, в том числе проводимые независимыми гидами, а также так называемые спонтанные экскурсии. Ср. комментарий видеоблогера к виду из окна автобуса:

Ну вот, визитная карточка города Караганды — памятник «Шахтеры... Шахтерская слава». В народе у этого памятника два названия есть. Первое — «Не подходи, убью», второе — «Русский казаха обманул». Ну, это так, мягко. Обычно упоминается другое слово, матерное [Шакиржан, 2019].

Включение рассматриваемых номинаций в экскурсоводческо-краеведческий дискурс (как и в СМИ) способствует не только трансляции знания о соответствующих трактовках памятников, но и закреплению какого-либо одного варианта. Так, упомянутое выше название памятника в Могилеве *Оксана, бегущая с «Лавсана»* наиболее частотно в сетевых публикациях туристического и краеведческого плана, очевидно, способствующих «узакониванию» этого варианта как «основного». Именно оно упоминается в ответе на одну из «могилевских загадок» в рамках приуроченной к дню города краеведческой викторины [Тихоненко, 2016] и в предназначенной для туристов популярной справке о местных достопримечательностях [Гусева].

Что касается влияния СМИ, показателен следующий пример. В одной из ранних статей о связанном с памятниками фольклоре приводится (вероятно, в пересказе) запись:

Ласковый дедушка — на ст. метро Белорусская (Москва) — партизан с вытянутой рукой. Под нее можно встать, и кажется, что дедушка гладит по головке (это место встречи влюбленных, и дедушка утешает ожидающих) [Лурье, 2003, 427].

В примечании приведен комментарий информанта: «Вчера по радио рассказали» [Лурье, 2003, 429]. Описание обнаруживает значительные совпадения с, вероятно, первой (популярной) советской публикацией о вернакулярных трактовках памятников в журнале «Столица»:

«Ласковый дедушка» — не кто иной, как партизан, сидящий в переходе метро «Белорусская» в окружении своих клевретов. Рука его протянута вперед, и если кто сядет на постамент (а там нередко назначают встречи), то кажется, будто дедушка гладит заждавшегося по голове, утешает его [Митрофанов, 1991, 40].

Сообщение о *Ласковом дедушке* было записано В. Ф. Лурье в 1998 г. в Петербурге, как и зафиксированные им же в 1995 г. названия еще двух московских скульптур (*Пива хочешь?* ‘памятник Карлу Марксу’ и *памятник Злой матери (Вот тебе, вот тебе, сынок!)* ‘скульптура «Милосердие» на воротах Воспитательного дома’ [Лурье, 2003, 423, прим., 428]), которые также нашли отражение в упомянутой публикации в «Столице». Статья в журнале, популярном среди интеллигенции и за пределами Москвы, напрямую или опосредованно стала источником знания о названиях столичных памятников для жителей Петербурга (три из 79 опубликованных Лурье текстов и/или их пересказов).

* * *

Таким образом, неофициальные монументонимы существуют одновременно на пограничье как между топонимией и идеонимией, так и между ономастикомом и городским фольклором, при этом зачастую их отнесение к той или иной сфере представляет собой проблему, а контекст находящихся в распоряжении исследователя письменного источника или сообщения информанта далеко не всегда позволяет произвести однозначную дефиницию.

Можно выделить несколько форм функционирования пародийных формул, называющих / описывающих памятники и необязательно находящихся между собой в отношениях стадильности (в плане развития от описания к собственному имени), но могущих существовать параллельно:

- 1) оценочные суждения, комментарии по поводу памятников;
- 2) анекдотические нарративы о названии;
- 3) индивидуальная номинация;

4) собственно номинация;

5) использование в качестве неофициального собственного имени.

Широкая вариативность соответствующих формул и способа их представления не только роднит их с фольклором²⁷, но и обнаруживает параллели с ситуацией сосуществования в микропонимии разных характеризующих именований одного объекта, которые не являются собственным именем до тех пор, пока «не возникнет социальная потребность в присвоении собственного имени объекту. <...> Наречение как акт создания имени собственного может быть завершающим для процесса характеризующей номинации объекта, а может существовать отдельно либо как акт выбора из имеющегося в традиции перечня потенциальных имен» [Рут, 2003, 122–123]. В качестве подобного рода наречения применительно к рассматриваемому мною материалу можно рассматривать, например, «канонизацию» неофициальных названий памятников в СМИ и популярной литературе, их трансляцию в краеведческо-экскурсионном контексте и т. д.

Источники

- Василий* [Комментарий] // Fishki.net. 2015. URL: <https://fishki.net/1433406-doneck-1989-goda.html> (дата обращения: 02.10.2022).
- Гость* [Комментарий] // Ufa1.ru. 31.08.2012. URL: <https://ufa1.ru/text/gorod/2012/08/31/54852831/comments> (дата обращения: 02.10.2022).
- ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <http://www.webcorpora.ru> (дата обращения: 02.10.2022).
- Гринёв А.* [Комментарий] // Достойные фильмы : группа в соцсети «ВКонтакте». 07.11.2019. URL: https://vk.com/wall-33769500_844241 (дата обращения: 02.10.2022).
- Гусева К.* Могилев. Самые прекрасные и самые жуткие достопримечательности. Ч. 1 // Vedi.by. URL: <https://vedi.by/idei-dlya-puteshestvij/316-mogilev-samye-prekrasnye-i-samye-zhutkie-dostoprimechatelnosti-chast-1-mogilevskij-oblastnoj-teatr-oksana-s-lavsana-ratusha-dvorets-arkhiereya-kostel-sv-kazimira-kostel-sv-stanislava> (дата обращения: 02.10.2022).
- Золотоносов М. Н., Калиновский Ю. Ю., Овчаров О. И.* Бронзовый век : Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков и декоративной скульптуры Ленинграда — Петербурга 1985–2007. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Новый Мир Искусства, 2010.
- Кублановский Ю.* Рецидив язычества // Труд. 2005. 11 авг.
- ЛА Ахметова — личный архив М. В. Ахметовой (Москва).
- ЛА Майоров — личный архив краеведа М. В. Майорова (Тула).
- Митрофанов А.* Карл Маркс, предлагающий пиво // Столица. 1991. № 39. С. 38–40.
- Неврокович* [Комментарий] // Yaplakal.com. 04.11.2016. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/topic1483879.html> (дата обращения: 02.10.2022).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.10.2022).
- Ножников Н.* Хорошо ли быть столицей? // Веснік Магілёва. 2008. 30 студз.

²⁷ О вариативности vs стабильности как важнейших характеристиках фольклорной традиции см. [Чистов, 1986, 107–177].

- Оксана, бегущая с лавсана // Город Ворот : видеоканал портала Gorad.by (Могилев). 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mF9UhlpX2-Q> (дата обращения: 02.10.2022).
- Прозвища памятников // Неолурк. URL: https://neolurk.org/Прозвища_памятников (дата обращения: 02.10.2022).
- Резанова Н. В. Нижний Новгород: Тайны, легенды, истории. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019.
- РГНРД — Ростов Главный — новости Ростова-на-Дону // ВКонтакте : социальная сеть. 19.10.2019. URL: https://vk.com/wall-36039_6165917 (дата обращения: 02.10.2022).
- Руденко В., Лыженков А. Партийные штитлеты для Льва Николаевича // Тульские известия. 2013. 4 сент.
- Тихоненко А. Ответы на Могилевские загадки // Трудовая слава. 2016. 21 июля. URL: <http://www.gazeta-ts.by/otvetyi-na-mogilevskie-zagadki> (дата обращения: 02.10.2022).
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007.
- Черонова Г. Караганда — третья угольная столица // Stihi.ru. 2016. URL: <https://stihi.ru/2016/02/26/1192%C2%A0> (дата обращения: 02.10.2022).
- Шакиржан Д. Караганда. На автобусе № 45 от Политехнического колледжа до 45-го кв-ла : видеоролик // YouTube. 13.05.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2liUasQVY98> (дата обращения: 02.10.2022).
- ALFat [Комментарий] // Out-Club.ru Территория 4WD : форум. 24.12.2011. URL: <https://out-club.ru/board/showthread.php?t=29672&page=5> (дата обращения: 02.10.2022).
- aqua18 [Комментарий] // Livejournal.com. 21.08.2013. URL: <https://k-poli.livejournal.com/2092675.html?page=4> (дата обращения: 02.10.2022).
- biograph. Тула. Памятник Толстому // Livejournal.com. 08.07.2012. URL: <https://biograph.livejournal.com/197066.html> (дата обращения: 02.10.2022).
- mehanik-kb. Доблестная Тула // Livejournal.com. 12.05.2007. URL: <https://mehanik-kb.livejournal.com/59491.html> (дата обращения: 02.10.2022).
- organica [Комментарий] // Yaplakal.com. 14.03.2016. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/st/800/topic1336328.html> (дата обращения: 02.10.2022).
- rinatik87. Прогулки по Туле // Livejournal.com. 04.02.2014. URL: <https://rinatik87.livejournal.com/11243.html> (дата обращения: 02.10.2022).
- Spektrum [Комментарий] // Yaplakal.com. 19.09.2016. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/st/175/topic1454441.html> (дата обращения: 02.10.2022).

Исследования

- Азарх Ю. С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика / отв. ред. Л. П. Калакуцкая. М. : Наука, 1981. С. 5–40.
- Брагина Н. Г. Новый вид публичной памяти в современной России: иронические памятники // Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, РАНХиГС, 27–29 ноября 2014 г.) / сост. О. Б. Христофорова и др. М. : [б. и.], 2014. С. 28–31.
- Вепрева И. Т. Современный эргонимикон в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 4. С. 168–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051
- Воробьева Т. С. Неофициальные урбанонимы г. Могилева: структурные и грамматические особенности // Итоги научных исследований ученых МГУ им. А. А. Кулешова / под ред. Е. К. Сычовой. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. С. 14–15.
- Ганжина И. М. Неофициальные урбанонимы г. Твери как культурно-языковой феномен: перспективы изучения // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования / под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. С. 300–303.
- ГДНН — Петров Н., Гардер М., Гаврилова М. Городской текст Нижнего Новгорода и локальная идентичность жителей : аналитический отчет. М. : [б. и.], 2019.

- Голикова Т. А. Неофициальные названия памятников Москвы в контексте изучения городской разговорной речи // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию доц. К. Н. Прокошевой (Пермь, 18–19 декабря 2014 г.) / отв. ред. Ю. Г. Гладких. Пермь : ПГГПУ, 2014. С. 85–93.
- Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург : [б. и.], 1998.
- Данилина Е. Ф. Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика : исследования и материалы / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1979. С. 281–297.
- Елистратов В. С. Словарь русского арго : материалы 1980–1990 гг. М. : Русские словари, 2000.
- Костромичева М. В. Народно-бытовые названия памятников г. Орла // Социальные варианты языка — V : материалы междунар. науч. конф. (19–20 апреля 2007 г.). Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. С. 358–360.
- Костромичева М. В. Орловский региональный социолект : материалы к словарю. Орел : ОГУ, 2009.
- Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М. : Наука, 1978. С. 283–314.
- Липатов А. Т., Журавлев С. А. Региональный словарь русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). М. : ЭЛПИС, 2009.
- Лукиянова Д. В. Неофициальная урбонимия в коммуникативном пространстве города (На материале Красноярска и Новосибирска) : бакалаврская работа / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2018.
- Лурье В. Ф. Памятник в городе: Ритуально-магический контекст // Современный городской фольклор / ред. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. С. 420–429.
- Мальцева М. В. Городской ономастикон Сыктывкара // Научный диалог. 2015. № 6. С. 72–87.
- Мельниченко М. Советский анекдот : указатель сюжетов. М. : Новое литературное обозрение, 2015.
- Мороз А. Б. Зачем нужны памятники // Живая старина. 2018. № 2. С. 41–44.
- Никитина Т. Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013.
- Никитина Т. Г. Русская фразеология в регионально ориентированном элективном курсе: принципы отбора и приемы комментирования материала // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9 (63). Ч. 2. С. 134–138.
- Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М. : ЭЛПИС, 2006.
- Отин Е. С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка // Λογος ονομαστικῆς. 2009. № 1. С. 59–63.
- Подюков И. А. Современное городское топонимическое творчество (на материале неофициальной урбанонимии Перми) // Современный городской фольклор / ред. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. С. 460–484.
- Радченко Д. А. Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2, № 1–2. С. 230–255.
- Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.
- Разумов Р. В. Названия-ориентеры в городском онимическом пространстве // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.) / сост., ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печатный двор, 2019. С. 399–402.
- Разумов Р. В., Горяев С. О. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами // Научный диалог. 2018. № 9. С. 76–97.
- Рут М. Э. Номинация, наречение и имя собственное // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 3 / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 120–124.
- Рут М. Э. Официальное и неофициальное в городском ономастическом пространстве // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 199–206.

Синдаловский Н. Мифология Петербурга : очерки. СПб. : Норинт, 2000.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.

Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л. : Наука, 1986.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002.

Рукопись поступила в редакцию 30.01.2022

СОКРАЩЕНИЯ

жарг.	жаргонный
инф.	информант
соб.	собиратель

* * *

Ахметова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Лаборатории
теоретической фольклористики Школы
актуальных гуманитарных исследований
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
119571, Москва, пр. Вернадского, 82
E-mail: malinxi@rambler.ru

Akhmetova, Maria Vyacheslavovna

PhD, Senior Researcher
Center for Theoretical Folklore Studies, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
82, Vernadsky Ave., 119571 Moscow, Russia
Email: malinxi@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2543-9349>

Maria V. Akhmetova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia

UNOFFICIAL MONUMENTONYMS: TOWARDS THE DEFINITION OF THEIR ONOMASTIC STATUS

The paper is devoted to unofficial names of monuments and urban sculpture, or unofficial monumentonyms. The author discusses their usage in field interviews, popular media, Internet discussions, excursions, in texts on local history, and in dictionaries. Particular attention is paid to the aspect of variability of these names. The proposed comparative model for describing their “morphology” suggests the invariance of a monument’s subject (that is parodied in an unofficial name) and the changeability of the verbal form of the onym. The metaphoric nature of the discussed type of names makes them similar to the riddles. The author shows that

names of this type verge between toponymy and ideonymy, as well as between proper names and urban folklore. Their usage cases in literary texts and colloquial speech do not always allow us to unambiguously qualify them as onomastic or folklore units. Such verbal formulas are often part of evaluative statements and comments about monuments (their subject, position in urban space, etc.), they can be found in jokes (sometimes just stating the fact that a monument is called in a certain way), become objects of an individual or group naming and, finally, they can be used as proper names in the full sense. These names are often used in a limited social milieu or exist for a short time. Their “canonization” is determined by inclusion in local history discourse, by popularization in media, etc.

Key words: monumentonyms; names of monuments; nomination; proper name; variability; urban names; artionyms; urban folklore

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

- Azarkh, Yu. S. (1981). O grammaticheskikh i lingvogeograficheskikh razlichiiakh imen naritsatel'nykh i sobstvennykh s omonimichnymi suffiksami [On Grammatical and Linguo-Geographical Differences between Common Nouns and Proper Names with Homonymous Suffixes]. In L. P. Kalakutskaya (Ed.), *Onomastika i grammatika* [Onomastics and Grammar] (pp. 5–40). Moscow: Nauka.
- Bragina, N. G. (2014). Novyi vid publichnoi pamiati v sovremennoi Rossii: ironicheskie pamiatniki [A New Kind of Public Memory in Modern Russia: Ironical Monuments]. In O. B. Khristoforova et al. (Eds.), *Mekhanizmy kul'turnoi pamiati: ot fol'klora do media* [Mechanisms of Cultural Memory: From Folklore to Media] (pp. 28–31). Moscow: [s. n.].
- Chistov, K. V. (1986). *Narodnye traditsii i fol'klor. Ocherki teorii* [Folk Traditions and Folklore. Essays on Theory]. Leningrad: Nauka.
- Danilina, E. F. (1979). Proizvishcha v sovremennom russkom iazyke [Nicknames in Modern Russian]. In A. V. Superanskaya (Ed.), *Vostochnoslavianskaia onomastika: issledovaniia i materialy* [East Slavic Onomastics: Research and Materials] (pp. 281–297). Moscow: Nauka.
- Elistratov, V. S. (2000). *Slovar' russkogo argo: materialy 1980–1990 gg* [A Dictionary of Russian Argot: Materials of 1980–1990s]. Moscow: Russkie slovari.
- Ganzhina, I. M. (2016). Neofitsial'nye urbanonimy g. Tveri kak kul'turno-iazykovoi fenomen: perspektivy izucheniia [Unofficial Urbanonyms of the City of Tver as a Cultural and Linguistic Phenomenon: Prospects for Study]. In A. M. Mezenko (Ed.), *Regional'naia onomastika: problemy i perspektivy issledovaniia* [Regional Onomastics: Problems and Prospects of Research] (pp. 300–303). Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova.
- Golikova, T. A. (2014). Neofitsial'nye nazvaniia pamiatnikov Moskvy v kontekste izucheniia gorodskoi razgovornoj rechi [Unofficial Names of Monuments of Moscow in the Context of Studying Urban Colloquial Speech]. In Yu. G. Gladkikh (Ed.), *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniia* [Problems of Linguistic Local History] (pp. 85–93). Perm: PGGPU.
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaia nominatsiia v russkoi onomastike* [Artificial Naming in Russian Onomastics]. Ekaterinburg: [s. n.].
- Kostromicheva, M. V. (2007). Narodno-bytovye nazvaniia pamiatnikov g. Orla [Folk-Household Names of the Monuments of the City of Orel]. In *Sotsial'nye varianty iazyka — V: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Social Variants of the Language — 5: Proceedings of the International Conference] (pp. 358–360). Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobrolyubova.
- Kostromicheva, M. V. (2009). *Orlovskii regional'nyi sotsiolekt: materialy k slovariu* [Oryol Regional Sociolect: Materials for the Dictionary]. Orel: OGU.

- Levin, Yu. I. (1978). Semanticheskaia struktura zagadki [Semantic Structure of a Riddle]. In G. L. Permiakov (Ed.), *Paremiologicheskii sbornik: Poslovitsa. Zagadka* (Struktura, smysl, tekst) [Paremiological Collection: Proverb. Riddle (Structure, Meaning, Text)] (pp. 283–314). Moscow: Nauka.
- Lipatov, A. T., & Zhuravlev, S. A. (2009). *Regional'nyi slovar' russkoi substandartnoi leksiki (Ioshkar-Ola. Respublika Marii El)* [Regional Dictionary of Russian Substandard Vocabulary (Yoshkar-Ola, Republic of Mari El)]. Moscow: ELPIS.
- Lukyanova, D. V. (2018). *Neofitsial'naia urbanimiia v kommunikativnom prostranstve goroda (Na materiale Krasnoarska i Novosibirska)* [Informal Urbanonymy in the Communicative Space of a City (Based on Materials from Krasnoyarsk and Novosibirsk)] (BA thesis). Siberian Federal University, Krasnoyarsk.
- Lurye, V. F. (2003). Pamiatnik v gorode: Ritual'no-magicheskii kontekst [A Monument in a City: Ritual and Magical Context]. In A. F. Belousov, I. S. Veselova, & S. Yu. Neklyudov (Eds.), *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary Russian Folklore] (pp. 420–429). Moscow: RGGU.
- Maltseva, M. V. (2015). Gorodskoi onomastikon Syktyvkara [City Onomasticon of Syktyvkar]. *Nauchnyi dialog*, 6, 72–87.
- Melnichenko, M. (2015). *Sovetskii anekdot: ukazatel' siuzhetov* [Soviet Anecdotes: Plot Index]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Moroz, A. B. (2018). Zachem nuzhny pamiatniki [The Use of Monuments]. *Zhivaia starina*, 2, 41–44.
- Nikitina, T. G. (2013). *Kliuchevye kontsepty molodezhnoi kul'tury: tematicheskii slovar' slenga* [Key Concepts of Youth Culture: A Thematic Dictionary of Slang]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Nikitina, T. G. (2017). Russkaia frazeologiya v regional'no orientirovannom elektivnom kurse: printsipy otbora i priemy kommentirovaniia materiala [Russian Phraseology in a Regionally-Oriented Elective Course: Principles of Selection and Methods of Commenting on the Material]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 9 (63), 2, 134–138.
- Nikitina, T. G., & Rogaleva, E. I. (2006). *Regional'nyi slovar' slenga (Pskov i Pskovskaia oblast')* [A Regional Slang Dictionary (Pskov and Pskov Region)]. Moscow: ELPIS.
- Otin, E. S. (2009). Slengovye sobstvennye imena v onimnom prostranstve sovremennogo russkogo iazyka [Slang Proper Names in the Onymic Space of the Modern Russian Language]. *Λογος ὀνομαστική*, 1, 59–63.
- Petrov, N., Garder, M., & Gavrilova, M. (2019). *Gorodskoi tekst Nizhnego Novgoroda i lokal'naia identichnost' zhitelei: analiticheskii otchet* [The Urban Narrative of Nizhny Novgorod and the Local Identity of Residents: An Analytical Report]. Moscow: [s. n.].
- Podyukov, I. A. (2003). Sovremennoe gorodskoe toponimicheskoe tvorchestvo (na materiale neofitsial'noi urbanonimiki Permi) [Contemporary Urban Toponymic Creativity (With Reference to Unofficial Urban Names of Perm)]. In A. F. Belousov, I. S. Veselova, & S. Yu. Neklyudov (Eds.), *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary Urban Folklore] (pp. 460–484). Moscow: RGGU.
- Radchenko, D. A. (2019). *Baby zhariat krokodila: pravo na interpretatsiiu pamiatnika* [Women Frying Crocodile: The Right to Interpret a Monument]. *Folklor i antropologiya goroda*, 2(1/2), 230–255.
- Razumov, R. V. (2015). Ob uporiadochenii onomasticheskoi terminologii v oblasti urbanonimii [On the Regulation of Onomastic Terminology in the Field of Urbanonymy]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2, 14–19.
- Razumov, R. V. (2019). Nazvaniia-orientiry v gorodskom onimicheskom prostranstve [Landmark Names in Urban Onymic Space]. In V. L. Vasilyev (Ed.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga Region: Proceeding of the 17th International Conference] (pp. 399–402). Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor.
- Razumov, R. V., & Goryaev, S. O. (2018). Nazvaniia zhilykh kompleksov: mezhd urbanonimami i reklamnymi imenami [Names of Residential Complexes: Between Urbanonyms and Advertising Names]. *Nauchnyi dialog*, 9, 76–97.

- Ruth, M. E. (2003). Nominatsiia, narechenie i imia sobstvennoe [Naming, Designation and Proper Name]. In M. E. Ruth (Ed.), *Onomastika i dialektnaia leksika* [Onomastics and Dialect Vocabulary] (Iss. 3, pp. 120–124). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Ruth, M. E. (2015). Ofitsial'noe i neofitsial'noe v gorodskom onomasticheskom prostranstve [Official and Unofficial in Urban Onomastic Space]. In M. E. Ruth (Ed.), *Iazyk i proshloe naroda: sbornik nauchnykh statej pamiati prof. A. K. Matveeva* [Language and the Past of the People: Collected Works in the Memory of Alexandr Matveyev] (pp. 199–206). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Shmeleva, E. Ya., & Shmelev, A. D. (2002). *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [Russian Anecdote: Text and Oral Genre]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Sindalovsky, N. (2000). *Mifologiya Peterburga: ocherki* [Mythology of St. Petersburg: Essays]. St Petersburg: Norint.
- Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General Theory of the Proper Name]. Moscow: Nauka.
- Veprava, I. T. (2019). Sovremennyyi ergonimikon v poiske novykh form vyrazheniya [Modern Russian Ergonymy: In Search for New Forms]. *Voprosy onomastiki*, 16(4), 168–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051
- Vorobyeva, T. S. (2018). Neofitsial'nye urbanonimy g. Mogileva: strukturnye i grammaticheskie osobennosti [Unofficial Urbanonyms of Mogilev: Structural and Grammatical Features]. In E. K. Sychova (Ed.), *Itogi nauchnykh issledovaniy uchenykh MGU im. A. A. Kuleshova* [Collected Research of Mogilev State University] (pp. 14–15). Mogilev: MGU im. A. A. Kuleshova.

Received on 30 January 2022